

Новое Время

№ 10206 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 31-го ЮЛЯ (13-го АВГУСТА) 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10206

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ.

Лѣтнія мелочи.

ССХС.

О Чеховѣ послѣ его похоронъ говорилось и писалось чрезвычайно много. Каждая статья приносила кое-какую черточку къ характеристикѣ Чехова, и каждую такую статью можно было только приветствовать. Друзья и хорошие знакомые покойнаго писателя печатали о немъ свои воспоминанія, вѣроятно, полагая, что на нихъ лежитъ нравственный долгъ сказать послѣднее „прости“ незабвенному белетристу.

Что касается разныхъ разсказовъ, касающихся Чехова, то не лишено интереса сообщеніе Д. А. Мансфельда, на дняхъ помѣщенное въ „Новостяхъ Дня“. Г. Мансфельдъ—литературное ископаемое города Москвы. Когда-то онъ издавалъ „Эпоху“ и „Радугу“, не составившія на эпохи въ Москвѣ, не принесшія и „радужныхъ“ своему издателю.

Въ 1885—6 г. въ редакцію этого издателя явился „худощавый молодой человекъ съ небольшой бородкой“, отрекомендовался Чеховымъ и предложилъ романъ, который онъ принесъ съ собой.

„Это былъ громадный фоліантъ, — разсказываетъ Мансфельдъ, — толщиной почти въ полторы стопы (!?) бумаги. Взглянувъ на эту рукопись и даже не просматривая ее, я категорически отказалъ автору въ ея напечатаніи“.

Какъ видите, г. Мансфельдъ прекрасно исполнялъ свои редакторскія обязанности: не просмотрѣвъ рукописи, отказался ее напечатать. У насъ такой способъ редактированія въ большой модѣ. Редакторы не читаютъ рукописей, потому что для каждого отдела есть свои сотрудники: у богатыхъ изданій это закабаленные журналисты, у бѣдныхъ—ножны и клей. Такъ все понемногу и „обрабатывается“. А случайныя рукописи возвращаются непрочитанными. Въ былые годы журналъ „Развлеченіе“ даже прямо печаталъ: „Просимъ не доставлять намъ статей ни въ прозѣ, ни въ стихахъ. Присланныя рукописи прочтаны не будутъ“.

Такая злополучная исторія привлеклась и съ Чеховымъ. Его романъ „въ полторы стопы“ (не ошибка ли это?) г. Мансфельдъ не сталъ читать, хотя начинающій авторъ подробно объяснилъ, на какую тему романъ написанъ. Оказывается, тема-то была пренеприятная. На югѣ въ то время происходилъ грандіозный процессъ архимиліонера Вальано, обвиняшагося въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ. Гражданскій искъ выразился въ многомилліонной суммѣ. Чеховъ, какъ южанинъ, долженъ былъ хорошо знать это громкое дѣло; можетъ быть, въ его романѣ—пусть онъ былъ написанъ робкой рукой начинающаго литератора — могли встрѣтиться крайне интересные факты, вѣрные характеристики, и нарисована картина южныхъ нравовъ. Конечно, г. Мансфельдъ не могъ провидѣть, кто стоитъ передъ нимъ, и, отвергая романъ Чехова, онъ не могъ понять въ сей мигъ курьезный:

«На что онъ руку поднималъ!»

Однакожъ Чеховъ разсказалъ ему тему роману. При этомъ молодой авторъ, сильно нуждаясь въ деньгахъ, отдавалъ романъ „за какую угодно сумму“. Но г. Мансфельдъ остался равнодушенъ и передъ сенсационной фабулой романа, и передъ дешевизной его.

Такъ и пропало безслѣдно юное твореніе Чехова. Теперь г. Мансфельдъ говоритъ, что было бы любопытно выяснитъ, куда дѣвался чеховскій романъ? Да, хорошо бы его разыскать. Къ характеристикѣ, къ матеріаламъ для біографіи Чехова этотъ романъ явился бы полезнымъ дополненіемъ. Вѣрнѣе всего, что Чеховъ самъ уничтожилъ свое произведеніе, говоря при этомъ а la Фирсъ изъ „Вишневаго сада“:

— Молодо-зелено!

Злобы московскаго дна теперь въ сущности сократились до минимума. Въ думѣ и въ земствѣ — „канікулы“, и гласные этихъ общественныхъ учреждений въ настоящее время рѣзвятся на свободѣ: кто гуляетъ за границей, кто живетъ въ своихъ имѣніяхъ, на дачахъ. Дожди іюля превосходно замѣняютъ поливальщиковъ мостовыхъ городской управы. Идетъ стройка зданій, а также ремонтируются дома, вполне достойные сноса. Какъ только

выпадаютъ жаркіе дни — пыль носится всюду столбами и застилаетъ вамъ глаза. Что тутъ дѣлать? Поливать улицы водой нѣсколько разъ въ сутки,—вотъ и все. Но управа хитра на выдумки. Почтеннѣйшій товарищъ городского головы И. А. Лебедевъ давно вычиталъ, что въ Парижѣ съ успѣхомъ производились опыты поливки мостовыхъ растворомъ древесной смолы, называющимся „веструмидъ“. Полили тамъ этимъ веструмидомъ улицу, причемъ, при четырехъ поливкахъ стоимость опредѣлилась по 3 сантимъ за квадратный метръ,—и два мѣсяца пыли не замѣчалось. Такимъ образомъ, если у насъ поливать веструмидомъ улицы, то можно даже нажить, сокративъ число поливныхъ бочекъ. Къ этому и стремится управа, желающая какъ можно скорѣе испытать это средство, которое создаетъ новую поговорку: „И дешево, и мило!“ Московскіе пѣшеходы въ особенности обрадуются парижскому веструмиду, такъ какъ наши дворники во многихъ частяхъ города окропляютъ мостовыя „веструмидомъ“ собственнаго несложнаго изобрѣтенія, а именно: щедро окачиваютъ ихъ помоями, снабжающими улицу соответствующей атмосферой... Итакъ, да здравствуетъ въ Москвѣ парижскій веструмидъ!

Москва сердечно, съ чувствомъ родственной любви встрѣчаетъ раненыхъ воиновъ. Газеты полны описаніями этихъ встрѣтъ, пестрятъ всевозможными интервью съ офицерами, прибывшими съ Дальняго Востока. На вокзалахъ Нижегородскомъ и Курскомъ, передъ приходомъ поѣздовъ съ выбывшими изъ строя храбрыми защитниками родины, собирается такое количество публики, что лишь десятой части удастся проникнуть на платформу. Воиновъ встрѣчаютъ съ той сосредоточенностью, которая невольно является и служить выраженіемъ глубоко-трогательныхъ чувствъ толпы. Тутъ же происходятъ пожертвованія деньгами.

Еще торжественнѣе и шумнѣе происходятъ проводы поѣздовъ, везущихъ войска на театръ военныхъ дѣйствій. На Николаевской желѣзной дорогѣ, на подмосковныхъ станціяхъ, полустанкахъ и дачныхъ платформахъ, всегда задолго до прихода воинскаго поѣзда сходятся масса интеллигентной и простой публики. Кто не

сетъ деньги, кто свертки съ пищевыми продуктами, кто занесся табакомъ, папиросами, лакомствами. Дамы приносятъ цвѣты, дѣти ихъ бросаютъ въ окна вагоновъ. И едва подойдетъ поѣздъ — гремитъ восторженное „ура“.

— Спаси васъ Богъ!—кричитъ публика. Слышится рыданіе женщинъ. Въ каждый вагонъ то и дѣло передаются узлы съ разными припасами. Кричатъ „ура“ офицерамъ, а эти послѣдніе отдаютъ честь и кланяются. Въ нихъ опять бросаютъ цвѣты. Простой народъ нервно выкрикиваетъ:

— Не выдавай, братцы!

Раздается третій звонокъ—поѣздъ медленно двигается, и долго вслѣдъ ему многочисленная толпа посылаетъ свои привѣтствія, долго слышится „ура“...

Подобныя сцены и потрясаютъ, и какъ-то бодрятъ. И все это, какъ встрѣчи, такъ и проводы, проходятъ въ образцовомъ порядкѣ, съ полнымъ пониманіемъ важности переживаемаго момента...

Крахъ московской банкирской конторы „К. Осиповъ и К^о“, какъ говорятъ, произошелъ отъ пониженія курса процентныхъ бумагъ. Слѣдствіе, конечно, выяснитъ, въ чемъ секретъ этого денежнаго ларчика, и впоследствии мы узнаемъ, просто или не просто онъ открывался. Впрочемъ, одинъ изъ кредиторовъ конторы, московскій миліонеръ Рахмановъ, много разъ выручавшій изъ бѣды банкира Осипова, и на этотъ разъ пришелъ на помощь, отказавшись отъ своей претензіи на сумму до 1.000.000 рублей. Этотъ отказъ увеличить платежъ остальнымъ вкладчикамъ, и теперь будто бы есть надежда разсчитаться по 75 коп. за рубль.

К. В. Осиповъ извѣстенъ въ Москвѣ не только какъ банкиръ, а и какъ меценатъ. Богъ знаетъ, что привлекало г. Осипова къ театральному искусству, но только онъ нѣсколько лѣтъ назадъ держалъ антрепризу итальянской оперы въ Большомъ театрѣ. Это была замѣчательная опера, съ выдающимися пѣвцами, но безъ публики. Изъ премьеровъ выделялись г.г. Баттистини и Валентинъ Дюкъ, г-жи Маргарита Макинтайръ, Паччини и Зина де-Нуовина, впоследствии судившаяся съ г. Осиповымъ по случаю отказа

лѣтъ въ одномъ изъ представленій оперы „Андрѣ Шенье“. Эта опера имѣла огромный успѣхъ, но г-жа де-Нуовина почему-то отказалась исполнять свою партію, и дублика, разобравъ всѣ билеты на второе представленіе, принуждена была взять деньги обратно и разойтись по домамъ. Къ горю антрепренера, это былъ единственный полный сборъ за все время сезона. Такъ не повезло въ антрепренерскомъ дѣлѣ нынѣшнему неудачному банкирскому дѣлу мастеру К. В. Осипову.

Въ общемъ большинство денежныхъ людей Москвы склоняется къ выводу, что это крушеніе банкирскаго дома—банкротство несчастное, а отнюдь не злостное.

Въ скоромъ времени, разумѣется, это будетъ выяснено судебной властью.

Что касается московскихъ зрѣлищъ и увеселеній, то попрежнему столичному обывателю приходится довольствоваться двумя садами—шукинскимъ „Эрмитажемъ“ и омовскимъ „Аквариумомъ“. Въ первомъ саду попрежнему существуетъ весьма приличный фарсъ, бойко разыгрываемый группой г. Сабурова, а оперетка г. Омона, ровно никакого успѣха не имѣвшая, замѣнена теперь спектаклями драматической труппы подъ управленіемъ довольно извѣстнаго провинціального антрепренера г. Петросьяна. У г. Петросьяна есть порядочные артисты, самъ онъ хороший администраторъ, и спектакли его могли бы въ лѣтнее время быть самыми интересными изъ нынѣшнихъ нашихъ зрѣлищъ. Но бѣда въ томъ, что дирекція „Аквариума“ не идетъ на помощь труппѣ и обставляетъ пьесы до того мизерно, что жалъ артистовъ, исполняющихъ пьесы, и авторовъ, ставящихъ свои драматическія произведенія. Достаточно посмотреть „Фрину“ г-жи Радославской, чтобы судить о явномъ непониманіи дирекціи, что нужно для обстановочной пьесы. На почвѣ такого отношенія къ театру возможно вырастить только неусѣхъ симпатичнаго предпріятія, но г. Омонъ предпочитаетъ „отыграться“ на своемъ кафе-шантанѣ и борьбѣ атлетовъ. Самъ г. Петросьянъ, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, отпускаемыхъ ему на обстановку, дѣлаетъ, что возможно, но когда ему приходится поднимать вопросъ о постановкѣ слож-

насть его подъ самый корень, и онъ принужденъ отказываться отъ своихъ радужныхъ замысловъ.

О борьбѣ атлетовъ можно сказать одно, что это не заранѣе распределенное въ исходахъ зрѣлище, а бой „въ чистую“. Атлетовъ съѣхалось видимо-невидимо. Чуть ли не всѣ европейскія страны дали своихъ представителей. Атлеты поражаютъ своими мускулами, бычачьими шеями, необъятными синяками и свирѣпыми выраженіемъ глазъ. Борьба происходитъ при необыкновенномъ стеченіи публики. Обстановка торжественная: на сценѣ возсѣдаютъ нелицеприятные судьи—все люди предпочтенные—и слѣдятъ съ часами въ рукахъ за борьбой. Самая борьба различна: одни атлеты мастера показывать всю грацію „французской борьбы“, другіе ломать съ плеча и бросаютъ другъ друга на полъ такъ, что гудитъ вся сцена; нѣкоторые мотаютъ другъ друга за голову; нѣкоторые даже бодаютъ противника лбомъ. Со сцены доносится сонное, зубобный скрежетъ, криканье...

Въ этомъ „турнирѣ“ казакъ Поддубный чуть не кулаками отвоёвывалъ въ Петербургѣ свои выигранныя 5.000 руб., и въ Москвѣ неистовствуетъ, сокрушая своихъ конкурентовъ, какъ хочетъ. Онъ поразили англійскаго силача Криссона, американца Хинглера и по своей страшной силѣ является чѣмъ-то вродѣ зубра изъ Бѣловѣжской пущи... Правда, разъ и ему отъ англичанина досталось порядкомъ, но все-таки Поддубный премьеръ этого „турнира“, гдѣ грохочутъ тяжелыя тѣла и трещатъ кости человѣческія...

Публика очень наэлектризовывается подобнымъ „сильнымъ“ зрѣлищемъ: побѣдителямъ она устраиваетъ оваціи, какъ триумфаторамъ, сраженнымъ безъ всякаго сожалѣнія свиститъ и шипкаетъ. Среди борьбы то и дѣло голосить вошедшіе въ ражъ любители спорта:

— Дальше отъ рамы! Ломай его! Круши! и т. д.

А на сценѣ засѣдаютъ важные господа, смотрятъ на хронометры и — не только слѣдятъ за борьбой—въ полномъ смыслѣ слова священнодѣйствуютъ... Какая восхитительная картина!

Не фальстопивать.